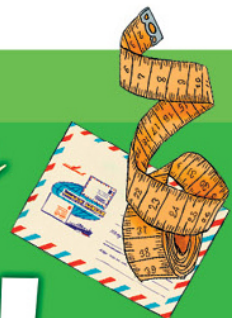

**ДЕТСКОЕ
ЧТЕНИЕ**

Ольга Лубоварова

**РАССКАЗЫ
ЛЮСИ СИНИЦЫНОЙ**

Произведение печатается без сокращений

Детское чтение (АСТ)

Ирина Пивоварова
Рассказы Люси Синицыной

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пивоварова И. М.

Рассказы Люси Синицыной / И. М. Пивоварова — «Издательство АСТ», 2021 — (Детское чтение (АСТ))

ISBN 978-5-17-145929-1

В книгу талантливой детской писательницы Ирины Михайловны Пивоваровой вошли рассказы Люси Синицыной, ученицы третьего класса. Это рассказы о такой насыщенной учёбой и смешными историями школьной жизни, о взаимоотношениях со сверстниками, учителями и близкими. Люся может поссориться со своей самой лучшей подругой из-за пустяка, но всегда первая придет к ней на помощь. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145929-1

© Пивоварова И. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Про мою подругу и немножко про меня	7
«Секретики»	9
Сочинение	11
Странный мальчик	13
Кровельщик	16
Как меня учили музыке	22
Селиверстов не парень, а золото!	24
Плохие сны	28
Как Коля Лыков стал звеньевым	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Пивоварова Рассказы Люси Синицыной [рассказы]

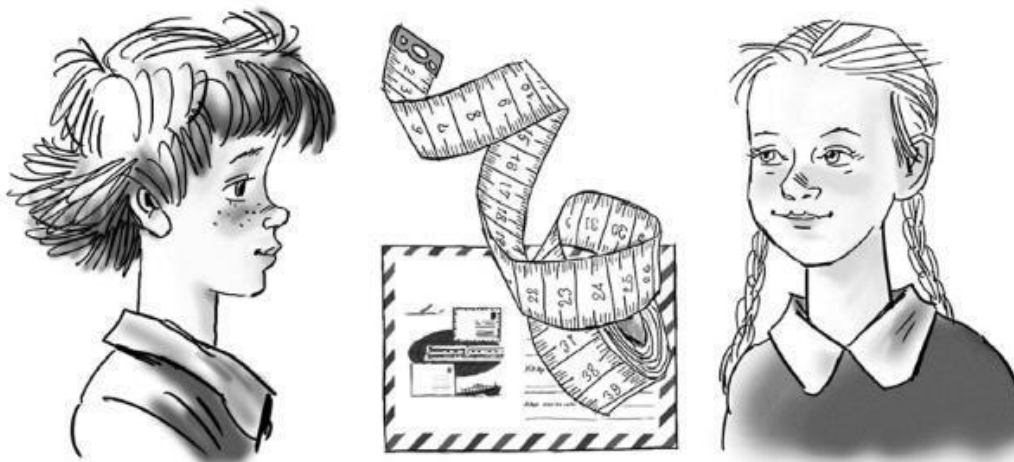

Рисунки А. Шевченко

© Пивоварова И.М., насл., 2021
© Шевченко А.А., ил., 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Про мою подругу и немножко про меня

Двор у нас был большой. В нашем дворе гуляло много всяких детей – и мальчишек и девчонок. Но больше всех я любила Люську. Она была моей подругой. Мы с ней жили в соседних квартирах, а в школе сидели за одной партой.

У моей подруги Люськи были прямые жёлтые волосы. А глаза у неё были!.. Вы, наверное, не поверите, какие у неё были глаза. Один глаз зелёный, как трава. А другой – совсем жёлтый, с коричневыми пятнышками!

А у меня глаза были какие-то серые. Ну, просто серые, и всё. Совсем неинтересные глаза!

И волосы у меня были дурацкие – кудрявые и короткие. И огромные веснушки на носу. И вообще всё у Люськи было лучше, чем у меня. Вот только ростом я была выше.

Я ужасно этим гордилась. Мне очень нравилось, когда нас во дворе звали «Люська большая» и «Люська маленькая».

И вдруг Люська выросла. И стало непонятно, кто из нас большая, а кто маленькая.

А потом она выросла ещё на полголовы.

Ну, это было уже слишком! Я на неё обиделась, и мы перестали гулять вместе во дворе.

В школе я не смотрела в её сторону, а она не смотрела в мою, и все очень удивлялись и говорили: «Между Люськами чёрная кошка пробежала», и приставали к нам, почему мы поссорились.

После школы я теперь не выходила во двор.

Мне там нечего было делать.

Я слонялась по дому и не находила себе места. Чтобы не было так скучно, я украдкой, из-за занавески, смотрела, как Люська играет в лапту с Павликом, Петькой и братьями Кармановыми.

За обедом и за ужином я теперь просила добавки. Давилась, а всё съедала... Каждый день я прижималась затылком к стене и отмечала на ней красным карандашом свой рост. Но странное дело! Выходило, что я не только не расту, но даже, наоборот, уменьшилась почти на два миллиметра!

А потом настало лето, и я поехала в пионерский лагерь.

В лагере я всё время вспоминала Люську и скучала по ней.

И я написала ей письмо.

Здравствуй, Люся!

Как ты поживаешь? Я поживаю хорошо. У нас в лагере очень весело. У нас рядом течёт речка Воря. В ней вода голубая-голубая! А на берегу есть ракушки. Я нашла для тебя очень красивую ракушку. Она кругленькая и с полосками. Наверное, она тебе пригодится. Люсь, если хочешь, давай дружить снова. Пусть тебя теперь называют большой, а меня маленькой. Я всё равно согласна. Напиши мне, пожалуйста, ответ.

С пионерским приветом!

Люся Синицына.

Я целую неделю ждала ответа. Я всё думала: а вдруг она мне не напишет! Вдруг она больше никогда не захочет со мной дружить!.. И когда от Люськи наконец пришло письмо, я так обрадовалась, что у меня даже руки немножечко дрожали.

Здравствуй, Люся!

Спасибо, я поживаю хорошо. Вчера мне мама купила замечательные тапочки с белым кантиком. Ещё у меня есть новый большой мяч, прямо закачаешься! Скорее приезжай, а то Павлик с Петькой такие дураки, с ними неинтересно!

Ракушку ты смотри не потеряй.

С пионерским салютом!

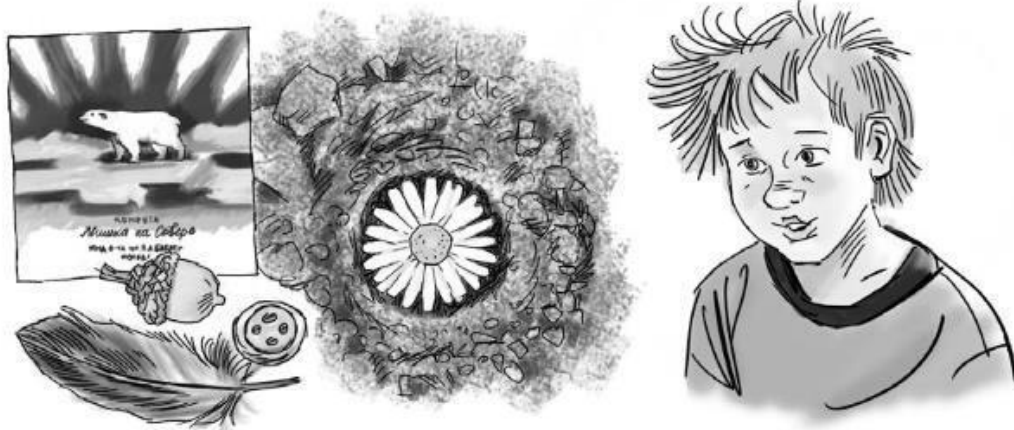
Люся Косицына.

В этот день я до вечера таскала с собой голубой Люськин конвертик. Я всем рассказывала, какая у меня есть в Москве замечательная подруга Люська.

А когда я возвращалась из лагеря, Люська вместе с моими родителями встречала меня на вокзале. Мы с ней бросились обниматься... И тут оказалось, что я переросла Люську на целую голову.

«Секретики»

Вы умеете делать «секретики»? Если не умеете, я вас научу.

Возьмите чистое стёклышко и выройте в земле ямку. Положите в ямку фантик от конфеты, а на фантик – всё, что у вас есть красивого.

Можно класть камешек, цветное стёклышко, бусину, птичье пёрышко, шарик (можно стеклянный, можно металлический).

Можно жёлудь или шапочку от жёлудя.

Можно разноцветный лоскуток.

Можно цветок, листик, а можно даже просто траву.

Можно настоящую конфету.

Можно бузину, сухого жука.

Можно даже ластик, если он красивый.

Да, можно ещё пуговицу, если она блестящая.

...Ну вот. Положили?

А теперь прикройте всё это стёклышком и засыпьте землёй. А потом потихоньку пальцем расчищайте от земли стёклышко и смотрите... Знаете, как красиво будет!

Я сделала «секретик», запомнила место и ушла.

Назавтра моего «секретика» не стало. Кто-то его вырыл. Какой-то хулиган.

Я сделала «секретик» в другом месте.

И опять его вырыли.

Тогда я решила выследить, кто этим делом занимается... И конечно же, этим человеком оказался Павлик Иванов, кто же ещё?!

Тогда я снова вырыла «секретик» и положила в него записку: «Павлик Иванов, ты дурак и хулиган».

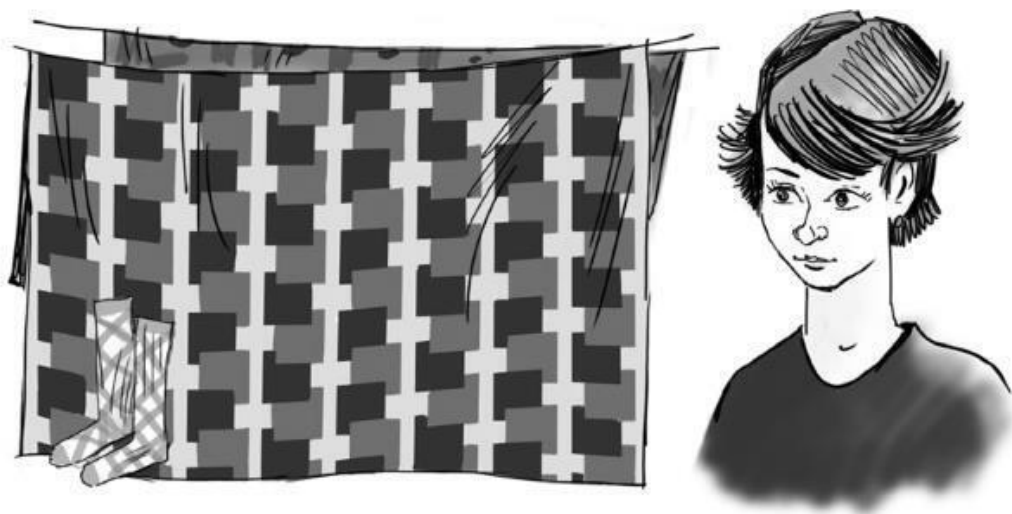
Через час записки не стало. Павлик не смотрел мне в глаза.

– Ну как, прочёл? – спросила я у Павлика.

– Ничего я не читал, – сказал Павлик. – Сама ты дура.

Сочинение

Однажды нам велели написать в классе сочинение на тему «Я помогаю маме».

Я взяла ручку и стала писать:

«Я всегда помогаю маме. Я подметаю пол и мою посуду. Иногда я стираю носовые платки».

Больше я не знала, что писать. Я посмотрела на Люську. Она так и строчила в тетрадке. Тут я вспомнила, что один раз постирала свои чулки, и написала:

«Ещё я стираю чулки и носки».

Больше я уж совсем не знала, что писать. Но нельзя же сдавать такое короткое сочинение! Тогда я приписала:

«Ещё я стираю майки, рубашки и трусы».

Я посмотрела вокруг. Все писали и писали.

Интересно, о чём пишут? Можно подумать, что они с утра до ночи помогают маме!

А урок всё не кончался. И мне пришлось продолжать.

«Ещё я стираю платья, своё и мамино, салфетки и покрывало».

А урок всё не кончался и не кончался. И я написала:

«А ещё я люблю стирать занавески и скатерти».

И тут наконец зазвенел звонок!

...Мне поставили «пять». Учительница читала моё сочинение вслух. Она сказала, что моё сочинение ей понравилось больше всех. И что она прочтёт его на родительском собрании.

Я очень просила маму не ходить на родительское собрание. Я сказала, что у меня болит горло. Но мама велела папе дать мне горячего молока с мёдом и ушла в школу.

Наутро за завтраком состоялся такой разговор.

Мама: А ты знаешь, Сёма, оказывается, наша дочь замечательно пишет сочинения!

Папа: Меня это не удивляет. Сочинять она всегда умела здорово.

Мама: Нет, в самом деле! Я не шучу, Вера Евстигнеевна её хвалит. Её очень порадовало, что наша дочь любит стирать занавески и скатерти.

Папа: Что-о?!

Мама: Правда, Сёма, это прекрасно? – Обращаясь ко мне: – Почему же ты мне раньше никогда в этом не признавалась?

– А я стеснялась, – сказала я. – Я думала, ты мне не разрешишь.

– Ну, что ты! – сказала мама. – Не стесняйся, пожалуйста! Сегодня же постирай наши занавески. Вот хорошо, что мне не придётся тащить их в прачечную!

Я вытаращила глаза. Занавески были огромные. Десять раз я могла в них завернуться! Но отступить было поздно.

Я мылила занавески по кусочкам. Пока я намыливала один кусочек, другой совсем размыливался. Я просто измучилась с этими кусочками!

Потом я по кусочкам полоскала занавески в ванной. Когда я кончала выжимать один кусочек, в него снова заливалась вода из соседних кусочков.

Потом я залезла на табуретку и стала вешать занавески на верёвку.

Ну, это было хуже всего! Пока я натягивала на верёвку один кусок занавески, другой сваливался на пол. И в конце концов вся занавеска упала на пол, а я упала на неё с табуретки.

Я стала совсем мокрая – хоть выжимай.

Занавеску пришлось снова тащить в ванную. Зато пол на кухне заблестел как новенький.

Целый день из занавесок лилась вода.

Я поставила под занавески все кастрюли и сковородки, какие у нас были. Потом поставила на пол чайник, три бутылки и все чашки с блюдцами. Но вода всё равно заливала кухню.

Как ни странно, мама осталась довольна.

– Ты замечательно выстирала занавески! – сказала мама, расхаживая по кухне в галошах. – Я и не знала, что ты такая способная! Завтра ты будешь стирать скатерть...

Странный мальчик

Павлик с Петькой всегда спорят. Прямо смех на них смотреть!
Вчера Павлик спрашивает у Петьки:
– Смотрел «Кавказскую пленницу»?
– Смотрел, – отвечает Петька, а сам уже насторожился.
– А правда, – говорит тогда Павлик, – Никулин самый лучший в мире киноактёр?
– Ничего подобного! – говорит Петька. – Не Никулин, а Моргунов!
– Ещё чего! – начал злиться Павлик. – Твой Моргунов толстый, как бочка!
– Ну и что?! – закричал Петька. – А зато твой Никулин тощий, как скелет!
– Это Никулин скелет?! – заорал Павлик. – Я тебе покажу сейчас, какой Никулин скелет!
И он уже полез с кулаками на Петьку, но тут произошло одно странное событие.
Из шестого подъезда выскочил какой-то длинный белобрысый мальчишка и направился к нам. Подошёл, посмотрел на нас и вдруг ни с того ни с сего говорит:
– Здравствуйте.
Мы, конечно, удивились. Подумаешь, вежливый нашёлся!
Павлик с Петькой даже спорить перестали.
– Ходят тут всякие, – сказал Павлик. – Пошли, Петь, в стукалочку сыгранём.
И они ушли. А этот мальчик говорит:
– Я теперь у вас во дворе буду жить. Вот в этом доме.
Подумаешь, пускай живёт, нам не жалко!
– Будешь в пряталки играть? – спрашиваю у него.
– Буду.
– А кто водить будет? Чур, не я!
И Люська сразу:
– Чур, не я!
И мы ему сразу:
– Тебе водить.
– Вот и хорошо. Я люблю водить.
И уже глаза руками закрывает.

Я кричу:

– Нет, так неинтересно! Чего это вдруг ты водить будешь? Водить каждый дурак любит!
Давай лучше считаться.

И мы стали считаться:

Шла кукушка мимо сети,
А за нею малы дети,
Все кричали: «Куку-мак,
Выбирай, какой кулак!»

И опять ему выпало водить. Он говорит:

– Вот видите, всё равно мне водить.
– Ну нет, – говорю. – Я так играть не буду.

Только появился – и сразу ему водить!

– Ну, води ты.

А Люська сразу:

– Ничего подобного! Я уже давно хотела водить!

И тут мы с ней стали на весь двор спорить, кому водить. А он стоит и улыбается.

– Знаете что? Давайте вы обе будете водить, а я один буду прятаться.

Так мы и сделали. Вернулись Павлик и Петька.

– Чего это вы? – удивились они.

– Водим.

– Сразу обе?! Да вас и поодиночке водить не заставишь. Что это с вами?

– Да вот, – говорим, – это всё тот новенький придумал.

Павлик с Петькой разозлились:

– Ах так! Это он в чужом дворе свои порядки устанавливает?! Сейчас мы ему покажем, где раки зимуют.

Искали его, искали, а новенький так спрятался, что и найти его никто не может.

– Вылезай, – кричим мы с Люськой, – так неинтересно! Мы тебя найти не можем!

Он откуда-то выскочил. Павлик с Петькой – руки в карманы – к нему подходят.

– Эй, ты! Ты где прятался? Небось, дома сидел?

– Ничего подобного, – улыбается новенький. – На крыше. – И показывает рукой на крышу сарая. А сарай высокий, метра два от земли.

– А как же ты... слез?

– Я спрыгнул. Вон в песке след остался.

– Ну, если врешь, мы тебе дадим жару!

Пошли посмотрели. Возвращаются. Павлик вдруг хмуро новенького спрашивает:

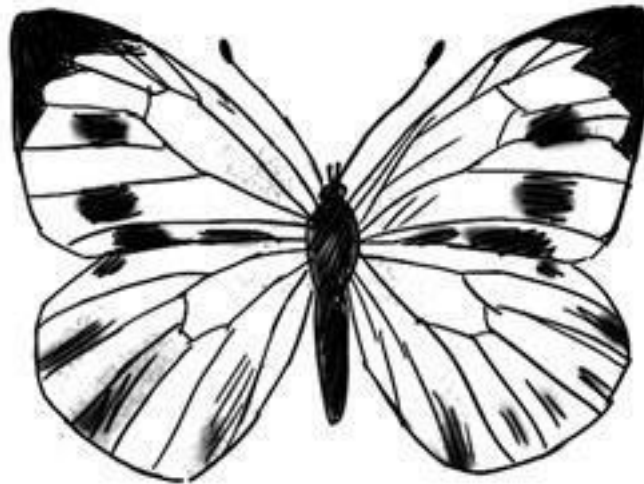
– А ты марки собираешь?

– Нет, – говорит новенький, – я бабочек собираю, – и улыбается.

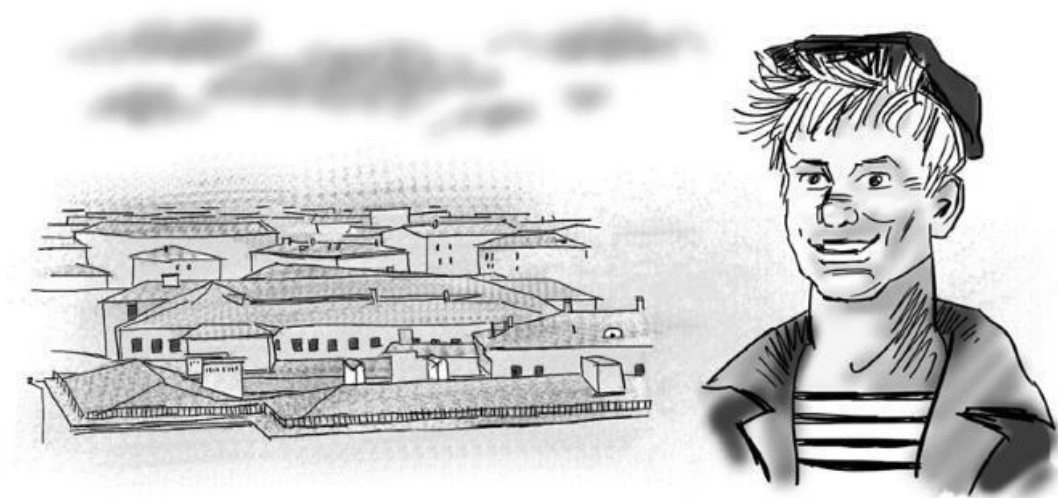
И мне почему-то тоже сразу захотелось бабочек собирать. И с сарая научиться прыгать.

– Как тебя зовут? – спросила я у этого мальчика.

– Коля Лыков, – сказал он.

Кровельщик

Кровельщик чинил крышу. Он ходил по самому краю и ничего не боялся. Мы с Люськой, задрав головы, глядели на кровельщика.

И тут он нас увидел. Он помахал нам рукой, приложил руку ко рту и крикнул:

– Э-эй! Чего рты раскры-ы-ли-и? Идите помога-а-ать!

Мы бросились к подъезду. Мигом взлетели по лестнице и оказались на чердаке. Чердачная дверь была открыта. За нею в ярких солнечных лучах плясала пыль. Мы прошли по балкам и вылезли на крышу.

Ух, как здесь было жарко! Железо блестело под солнцем так, что резало глаза. Кровельщика на месте не было. Он, видно, ушёл на другую сторону крыши.

– Надо добраться до кровельщика, – сказала я. – Лезем?

– Лезем, – сказала Люська. И мы полезли наверх.

Мы держались за большую трубу, и лезть было не страшно. Главное, не оборачиваться назад, и всё.

Но вот труба осталась позади. Дальше было только белое гладкое железо. Мы встали на четвереньки и поползли. Руками и коленками мы цеплялись за выступы железа.

Так мы проползли, наверно, целых три метра.

– Давай отдохнём, – сказала Люська и села прямо на горячее железо. – Посидим немножко, а потом...

Люська не договорила. Она большущими глазами смотрела вниз перед собой, и её губы продолжали неслышно шевелиться. Кажется, она сказала «мама» и ещё что-то.

Я обернулась.

Там, внизу, стояли дома.

Какая-то река блестела за домами. Что за река? Откуда она взялась?.. Машины, похожие на быстрых козляков, бежали по набережной. Из труб валил серый дым. С балкона соседнего дома худой человек в майке вытряхивал розовую скатерть.

А надо всем этим висело небо.

Небо было большое. Страшно большое. Огромное. И мне показалось, что мы с Люськой стали маленькие-маленькие! Совсем маленькие и жалкие на этой крыше, под этим большим небом!

И мне стало страшно. Ноги у меня одеревенели, голова закружилась, и я поняла, что ни за что на свете не сдвинусь с этого места.

Рядом сидела совершенно белая Люська.

...А солнце жарило всё сильнее. Железо под нами раскалилось, как утюг. А кровельщика всё не было. Куда он делся, этот проклятый кровельщик?

Слева от меня валялся молоток. Я дотянулась до молотка, подняла его и изо всех сил ударила по железу.

Крыша загудела, как колокол.

И тут мы увидели кровельщика.

Он бежал к нам сверху, как будто спрыгнул на крышу прямо с синего неба. Он был молодой и рыжий.

– А ну, вставайте! – крикнул он.

Он дёрнул нас рывком за шиворот и потащил вниз.

Ручищи у него были как лопаты – большие и широкие. Ох и здорово было с ним спускаться! Я даже подпрыгнула два раза по дороге. Ура! Мы снова были на чердаке!

Но не успели мы с Люськой перевести дыхание, как этот рыжий кровельщик вцепился в наши плечи и стал нас трясти, как бешеный.

– С ума посходили! – орал он. – Моду завели – по крышам шляться! Распустились! Пороть вас некому!

Мы заревели.

– Не трясите нас, пожалуйста! – размазывая по лицу слёзы, сказала Люська. – Мы на вас в милицию пожалуемся!

– Чего вы дерётесь? – сказала я. – Сами нас звали, а теперь дерётесь!

Он перестал орать, выпустил наши плечи и покрутил пальцем возле лба.

– Вы что? Того? – сказал он. – Куда это я вас звал?!

Глаза у него были жёлтые. От него пахло табаком и железом.

– А кто нас помогать звал? – закричали мы в один голос.

– Помогать? – переспросил он, как будто не расслышал. – Что-о?! Помога-а-ать!

И вдруг он захохотал. На весь чердак.

У нас чуть барабанные перепонки не лопнули – так он хохотал! Он хлопал себя по коленкам. У него слёзы текли по лицу. Он раскачивался, сгибался, он прямо падал от смеха... Ненормальный какой-то! Ну что он тут смешного нашёл?! Не поймёшь этих взрослых – то ругаются, то смеются.

А он всё хохотал и хохотал. Мы, глядя на него, тоже стали потихоньку хихикать. Он всё-таки был хороший. Уж очень он здорово смеялся!

Насмеявшись, он вынул мятый клетчатый платок и протянул его нам.

– Ну и дурёхи! – сказал он. – И где только такие водятся? Шутки надо понимать! Да какая от вас помощь, мелюзга вы этакая? Вот подрастёте – приходите. С такими помощниками не пропадёшь – дело ясное! Ну, до встречи!

И он помахал нам рукой и пошёл обратно. А сам всю дорогу смеялся.

И он ушёл.

А мы стояли и смотрели ему вслед. Не знаю, что думала Люська, а я думала вот что:

«Ну ладно, вот мы подрастём. Пройдёт пять лет или десять... И этот рыжий кровельщик давным-давно починит нашу крышу. И где мы тогда его найдём? Ну где? Ведь крыш в Москве так много, так много!...»

Как меня учили музыке

Однажды мама пришла из гостей взволнованная. Она рассказала нам с папой, что дочка её подруги весь вечер играла на пианино. Замечательно играла! И польку играла, и песни со словами и без слов, и даже полонез Огинского.

– А полонез Огинского, – сказала мама, – это моя любимая вещь! И теперь я мечтаю, чтобы наша Люська тоже играла полонез Огинского!

У меня похолодело внутри. Я совсем не мечтала играть полонез Огинского!

Я о многом мечтала.

Я мечтала никогда в жизни не делать уроков.

Я мечтала научиться петь все песни на свете.

Я мечтала целыми днями есть мороженое.

Я мечтала лучше всех рисовать и стать художником.

Я мечтала быть красивой.

Я мечтала, чтобы у нас было пианино, как у Люськи. Но я совсем не мечтала на нём играть.

Ну, ещё на гитаре или на балалайке туда-сюда, но только не на пианино.

Но я знала, что маму не переспоришь.

Мама привела к нам какую-то старушку. Это оказалась учительница музыки. Она велела мне что-нибудь спеть. Я спела «Ах вы, сени, мои сени». Старушка сказала, что у меня исключительный слух.

Так начались мои мучения.

Только я выйду во двор, только мы начнём играть в лапту или в «штандр», как меня зовут: «Люся! Домой!» И я с нотной папкой тащусь к Марии Карловне.

Мария Карловна учила меня играть «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок».

Дома я занималась у соседки. Соседка была добрая. У неё был рояль. Когда я первый раз села за рояль разучивать «Как на тоненький ледок...», соседка села на стул и целый час слушала, как я разучиваю. Она сказала, что очень любит музыку.

В следующий раз она уже не сидела рядом, на стуле, а то входила в комнату, то выходила. Ну а потом, когда я приходила, она сразу брала сумку и уходила на рынок или в магазин.

А потом мне купили пианино.

Однажды к нам пришли гости. Мы пили чай.

И вдруг мама сказала:

– А сейчас нам Люсенька что-нибудь сыграет на пианино.

Я поперхнулась чаем.

– Я ещё не научилась, – сказала я.

– Не хитри, Люська, – сказала мама. – Ты уже целых три месяца учишься.

И все гости стали просить – сыграй да сыграй.

Что было делать?

Я вылезла из-за стола и села за пианино.

Я развернула ноты и стала по нотам играть «Как на тоненький ледок выпал беленький снежок».

Я эту вещь играла очень долго. Я всё время забывала, где находятся ноты фа и ре, и везде их искала, и тыкала пальцем во все остальные ноты.

Когда я кончила играть, дядя Миша сказал:

– Молодец! Прямо Бетховен! – и захлопал в ладоши.

Я обрадовалась и говорю:

– А я ещё умею играть «На дороге жук, жук».

– Ну ладно, иди пить чай, – быстро сказала мама. Она была вся красная и сердитая.

А папа, наоборот, развеселился.

– Вот видишь? – сказал он маме. – Я же тебе говорил! А ты – полонез Огинского...

Больше меня к Марии Карловне не водили.

Селиверстов не парень, а золото!

Селиверстова в классе не любили. Он был противный.

У него уши красные были и торчали в разные стороны. Он тощий был. И злой. Такой злой, ужас!

Однажды он меня чуть не убил!

Я в тот день была дежурной санитаркой по классу. Подошла к Селиверстову и говорю:

– Селиверстов, у тебя уши грязные! Ставлю тебе двойку за чистоту.

Ну что я такого сказала?! Так вы бы на него посмотрели!

Он весь побелел от злости. Кулаки сжал, зубами заскрипел... И нарочно, изо всей силы, как наступит мне на ногу!

У меня нога два дня болела. Я даже хромала. С Селиверстовым и до этого никто не дружил, а уж после этого случая с ним вообще весь класс перестал разговаривать. И тогда он знаете, что сделал? Когда во дворе мальчишки стали играть в футбол, взял и проткнул футбольный мяч перочинным ножом.

Вот какой был этот Селиверстов!

С ним даже за одной партой никто не хотел сидеть! Бураков сидел, а потом взял и отсел.

А Сима Коростылёва не захотела с ним в пару становиться, когда мы в театр пошли. И он её так толкнул, что она прямо в лужу упала!

В общем, вам теперь ясно, какой это был человек. И вы, конечно, не удивитесь, что, когда он заболел, никто и не вспомнил о нём.

Через неделю Вера Евстигнеевна спрашивает:

– Ребята, кто из вас был у Селиверстова?

Все молчат.

– Как, неужели за всю неделю никто не навестил больного товарища?! Вы меня удивляете, ребята! Я вас прошу сегодня же навестить Юру!

После уроков мы стали тянуть жребий, кому идти. И, конечно, выпало мне!

Дверь мне открыла женщина с утюгом.

– Ты к кому, девочка?

– К Селиверстову.

– А-а, к Юрочке? Вот хорошо! – обрадовалась женщина. – А то он всё один да один.

Селиверстов лежал на диване. Он был укрыт вязаным платком. Над ним к дивану была приколата салфетка с вышитыми розами. Когда я вошла, он закрыл глаза и повернулся на другой бок, к стене.

– Юрочка, – сказала женщина, – к тебе пришли.

Селиверстов молчал.

Тогда женщина на цыпочках подошла к Селиверстову и заглянула ему в лицо.

– Он спит, – сказала она шёпотом. – Он совсем ещё слабый!

И она наклонилась и ни с того ни с сего поцеловала этого своего Селиверстова.

А потом она взяла стопку белья, включила утюг и стала гладить.

– Подожди немножко, – сказала она мне. – Он скоро проснётся. Вот обрадуется! А то всё один да один. Что же это, думаю, никто из школы не зайдёт?

Селиверстов зашевелился под платком.

«Ага! – подумала я. – Сейчас я всё скажу! Всё!»

Сердце у меня забилось от волнения. Я даже встала со стула.

– А знаете, почему к нему никто не приходит?

Селиверстов замер.

Мама Селиверстова перестала гладить.

– Почему?

Она глядела прямо на меня. Глаза у неё были красные, воспалённые. И морщин довольно много на лице. Наверное, она была уже немолодая женщина... И она смотрела на меня так... И мне вдруг стало её жалко. И я забормотала непонятно что:

– Да вы не волнуйтесь!.. Вы не подумайте, что вашего Юру никто не любит! Наоборот, его очень даже любят! Его все так уважают!..

Меня пот прошиб. Лицо у меня горело. Но я уже не могла остановиться.

– Просто нам столько уроков задают – совсем нету времени! А ваш Юра ни при чём! Он даже очень хороший! С ним все хотят дружить! Он такой добрый! Он просто замечательный!

Мама Селиверстова широко улыбнулась и снова взялась за утюг.

– Да, ты права, девочка, – сказала она. – Юрка у меня не парень, а золото!

Она была очень довольна. Она гладила и улыбалась.

– Я без Юры как без рук, – говорила она. – Пол он мне не даёт мыть, сам моет. И в магазин ходит. И за сестрёнками в детский сад бегаёт. Хороший он! Правда, хороший!

И она обернулась и с нежностью посмотрела на своего Селиверстова, у которого уши так и пылали.

А потом она заторопилась в детский сад за детьми и ушла. И мы с Селиверстовым остались одни.

Я перевела дух. Без неё мне было как-то спокойнее.

– Ну вот что, хватит придуриваться! – сказала я. – Садись к столу. Я тебе уроки объяснять стану.

– Проваливай, откуда пришла, – донеслось из-под платка.

Ничего другого я и не ждала.

Я раскрыла учебник и затараторила урок.

Я нарочно тараторила изо всех сил, чтобы побыстрее кончить.

– Всё. Объяснила! Вопросы есть?

Селиверстов молчал.

Я щёлкнула замком портфеля и направилась к дверям. Селиверстов молчал. Даже спасибо не сказал. Я уже взялась за ручку двери, но тут он опять вдруг завозился под своим платком.

– Чего тебе?

– Ты... это...

– Да чего тебе, говори скорее!

– ...Семечек хочешь? – вдруг выпалил Селиверстов.

– Чего? Каких семечек?!

– Каких-каких... Жареных!

И не успела я и слова сказать, как он выскочил из-под платка и босиком побежал к шкафу. Он вынул из шкафа пузатый ситцевый мешочек и стал развязывать верёвку. Он торопился.

Руки у него дрожали.

– Бери, – сказал он.

На меня он не глядел. Уши у него горели малиновым огнём.

Семечки в мешке были крупные, одно к одному. В жизни я таких семечек не видала!

– Чего стоишь? Давай бери! У нас много. Нам из деревни прислали.

И он наклонил мешок и как сыпанёт мне в карман прямо из мешка! Семечки дождём посыпались мимо.

Селиверстов охнул, кинулся на пол и стал их собирать.

– Мать придёт, ругаться будет, – бормотал он. – Она мне вставать не велела...

Мы ползали по полу и собирали семечки. Мы так торопились, что два раза стукнулись головами. И как раз когда мы подняли последнее семечко, в замке звякнул ключ...

Всю дорогу домой я щупала шишку на голове, грызла семечки и смеялась:

«Ну и чудак этот Селиверстов! И не такой уж он и тощий! А уши – уши у всех торчат.

Подумаешь, уши!»

Целую неделю ходила я к Селиверстову.

Мы писали упражнения, решали задачи. Иногда я бегала в магазин за хлебом, иногда в детский сад.

– Хорошая у тебя подружка, Юра! Что же ты мне раньше о ней ничего не рассказывал? Мог бы давно нас познакомить!

Селиверстов выздоровел.

Теперь он стал приходить ко мне делать уроки. Я познакомила его с мамой. Маме Селиверстов понравился.

И вот что я вам скажу: не такой уж он в самом деле плохой, Селиверстов!

Во-первых, он теперь учится хорошо, и Вера Евстигнеевна его хвалит.

Во-вторых, он больше ни с кем не дерётся.

В-третьих, он научил наших мальчишек делать змея с хвостом.

А в-четвёртых, он всегда ждёт меня в раздевалке, не то что Люська!

И я всем так говорю:

– Вот видите, вы думали, Селиверстов плохой. А Селиверстов хороший! Селиверстов не парень, а золото!

Плохие сны

Сегодня я долго не могла заснуть. А когда я, наконец, заснула, мне приснилась лошадь с синими глазами. Её звали Сима Коростылёва.

Сима ходила по моей комнате и махала хвостом. Потом Сима громко заржала, и я поняла, что это значило:

«Почему ты до сих пор не вернула мне пятьдесят копеек?»

И вдруг она превратилась в Павлика Иванова и как заорёт:

«Бессовестная! Бессовестная! Вчера всю контрольную у меня списала! Сознайся во всём, сознайся!»

Я подумала, что сейчас провалюсь от стыда под землю. И тут же провалилась.

Я проснулась в холодном поту.

Да, всё правда. И деньги я Симе не отдала, и контрольную у Иванова списала. И мне почему-то поставили «пять», а ему «три».

Ну, контрольная – ладно, что уж теперь поделаешь? Списала и списала. Но вот пятьдесят копеек!..

Я вытряхнула из копилки пятьдесят копеек и пошла в школу.

По дороге продавали большие бордовые гранаты.

– Почём гранаты? – нерешительно спросила я.

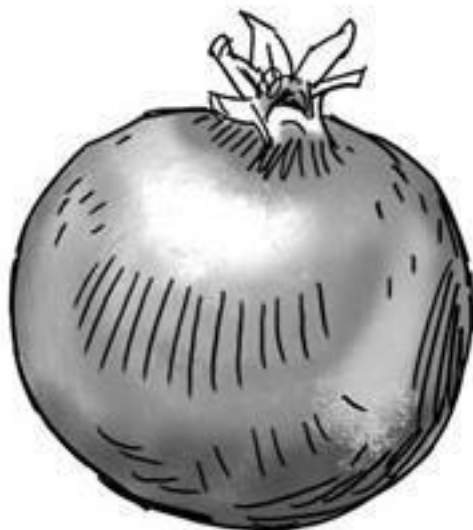
– Сколько будете брать? – решительно спросила тётенька.

– Один, – сказала я, и у меня во рту пересохло.

– Пятьдесят копеек.

...Когда мы с Люськой ели гранат, я пожаловалась ей на плохие сны.

– А ты спи с открытой форточкой, – сказала Люська.

Как Коля Лыков стал звеньевым

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.